

УДК 72.04(477.75)''13''

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.5.164.170>

ФРАГМЕНТЫ АРХИТЕКТУРНЫХ ДЕТАЛЕЙ ИЗ РАСКОПОК АЛУШТИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

© 2025 г. В.П. Кирилко

Раскопки Алуштинского могильника в 1950–1951 гг. осуществлялись последовательно Н.В. Пятышевой, Е.В. Веймарном и Ю.В. Кухаренко. Поскольку никто из них результаты своих изысканий в научный оборот не ввёл, для правильного понимания выявленных там остатков храма и объективной оценки различного рода интерпретаций, опубликованных позднее другими специалистами, первостепенное значение приобретают архивные ресурсы – отчёты о раскопках, полевые дневники, коллекционные описи, обмерные чертежи, старые фотоснимки и иные документы, равно как, частично уцелевшие находки, особенно отдельные архитектурные детали. В частности, установлено, что фрагменты резного известнякового изделия, обнаруженные недавно в музейных фондах, принадлежали плите, возможно, от алтарной преграды либо надгробия, передняя грань которой была украшена сплошным геометрическим орнаментом, характерным для местной каменной пластики золотоордынского времени. Другие лапидарные находки представлены обломком рельефной плетёнки и рисунком карниза. Предполагается также, что сильно повреждённые железные предметы, обычно трактуемые как остатки оконных решёток, на самом деле, могли быть вотивами в виде крестов, использование которых известно на многих церковных постройках региона.

Ключевые слова: археология, Крым, Алушта, XIV в., каменная пластика, сельджукский стиль, ордынский образ жизни, средневековый храм, алтарная преграда, надгробие.

FRAGMENTS OF ARCHITECTURAL DETAILS FROM EXCAVATIONS OF ALUSHTA BURIAL GROUND

V.P. Kirilko

Excavations of the Alushta necropolis were carried out successively by N.V. Pyatysheva, E.V. Veimarn and Yu.V. Kukhareno in 1950–1951. Since none of them introduced the results of their studies into scientific circulation, archival resources – excavation reports, field diaries, collection inventories, measurement drawings, old photographs and other documents, as well as partially surviving finds, especially individual architectural details – are of primary importance for a correct understanding of the remains of the temple discovered there and an objective assessment of various interpretations published in later periods by other specialists. In particular, it was discovered that fragments of a carved limestone product, which were recently found in museum collections, belonged to a slab, possibly from a chancel screen or a tombstone, the front face of which was decorated with a continuous geometric ornament, that is typical for local stone sculptures of the Golden Horde period. Other lapidary finds are represented by a fragment of relief wickerwork and a cornice pattern. It is also suggested that heavily damaged iron objects, usually interpreted as the remains of window grilles, could in fact have been votives in the form of iron crosses, the use of which has been noted on many church buildings in the region.

Keywords: archaeology, Crimea, Alushta, 14th century, stone sculpture, Seljuk style, Horde way of life, medieval temple, chancel screen, tombstone

26 августа 1950 г. Н.В. Пятышева приступила к раскопкам Алуштинского могильника, в ходе которых наряду с многочисленными захоронениями ею были обнаружены и почти полностью расчищены руины небольшой кладбищенской церкви (Пятышева, 1951). 12 сентября она внезапно уехала в Москву, после чего дальнейшее археологическое изучение памятника пришлось продолжить Е.В. Веймарну, завершившему работы

30 числа того же месяца (Кирилко, 2018а, с. 171–180). В 1951 г. исследованием некрополя занимался Ю.В. Кухаренко (Когонашвили, Махнева, 1971, с. 15). Поскольку никто из них результаты своих изысканий в научный оборот не ввёл, для правильного понимания выявленных остатков храма и объективной оценки различного рода интерпретаций, опубликованных позднее другими специалистами (Асеев, 1951, с. 24–25, рис. 1, 2; Когонашвили, Махне-



Рис. 1. Бронзовый рыболовный крючок.

Гвозди и фрагменты крестообразных предметов из железа (по: Пятышева, 1951, л. 105, фото 12).

Fig. 1. Bronze fish hook. Nails and fragments of cross-shaped iron objects (according to Pyatysheva, 1951, sheet 105, photo 12).

ва, 1971, с. 15–30), первостепенное значение приобретают архивные ресурсы – отчёты о раскопках, полевые дневники, коллекционные описи, обмерные чертежи, старые фотографии и иные документы, равно как частично уцелевшие находки, особенно отдельные архитектурные детали. Именно благодаря перечисленным научным источникам сейчас, спустя многие годы после прекращения работ, стало возможным получение более или менее обоснованного представления о строительной истории, архитектонике и декоративном убранстве этого здания, ныне совершенно недоступного для повторного изучения из-за новых сооружений, перекрывших и, скорее всего, уничтоживших его кладки (Кирилко, 2018а; 2018б; 2019; 2020; 2023; 2024).

Показательным является пример недавнего обнаружения части экспедиционных материалов Н.В. Пятышевой, которые длительное время считались безвозвратно утраченными и прежде (почти три четверти века) никем не использовались, оставшись неизвестными даже непосредственному преемнику исследовательницы – Е.В. Веймарну. В частности, обращает на себя внимание сообщаемая ею информация о двух сильно повреждённых железных предметах крестообразной формы (рис. 1). Они были найдены с наружной стороны церкви, у южной и западной стен, причём самым автором раскопок не без сомнения (с оговоркой «по-видимому») определены как фрагменты оконной решётки (Пятышева, 1951, л. 16 об., 18 об., 90, 93; л. 105, фото 12). Подобные выводы позднее были опубликованы К.К. Когонашвили и О.А. Махнёвой: «Возможно, окна церкви были забраны железными решетками. Обло-

мок одной из них археологи обнаружили у западной стены храма. А неожиданная находка большого куска плоского синего оконного стекла позволяет предположить, что на окнах были витражи из цветного стекла» (Когонашвили, Махнева, 1971, с. 16–17). Так как здание было относительно небольшим, вряд ли оно имело настолько широкие оконные проёмы, чтобы их необходимо было защищать металлической решёткой. На мой взгляд, вероятнее всего, упомянутые артефакты являются не чем иным, как характерными для многих церковных построек региона вотивами в виде железных крестов, обычно крепившимися на поверхности стен или деревянных конструкций (Мусин, 2015, с. 189–218). Известно, что один из них, обнаруженный у западной стены часовни, был взят в коллекцию, о чём свидетельствует соответствующая отметка в описи находок: «Железный предмет (кусок решетки)» (Полевые материалы..., л. 102, № 177). Сам он впоследствии где-то потерялся, и на данном этапе исследований о нём можно судить лишь благодаря прилагаемой к отчёту фотографии. Масштаб изображению сообщает представленный на том же снимке рыболовный крючок, имевший длину 5 см (Полевые материалы..., л. 93, № 41). Оба крестообразных фрагмента выглядят слишком хлипкими, чтобы принадлежать решётке, которая должна была обезопасить строение от проникновения злоумышленников.

В полевом дневнике Н.В. Пятышевой упоминается ещё одна архитектурная деталь и приводится её схематичный чертёж (рис. 2). По свидетельству исследовательницы, она была обнаружена при разборке разрушенных детских могил у апсиды, представляла собой кусок профилированного карниза из диорита и имела размеры 0,20×0,22×0,38 см (Пятышева, 1951, л. 62, 85, 102). Нынешнее местонахождение изделия неизвестно.

Более благополучной оказалась судьба другой подобной находки, о которой сообщает коллекционная опись экспедиции, руководимой Е.В. Веймарном: «379. Тоже (архитек-

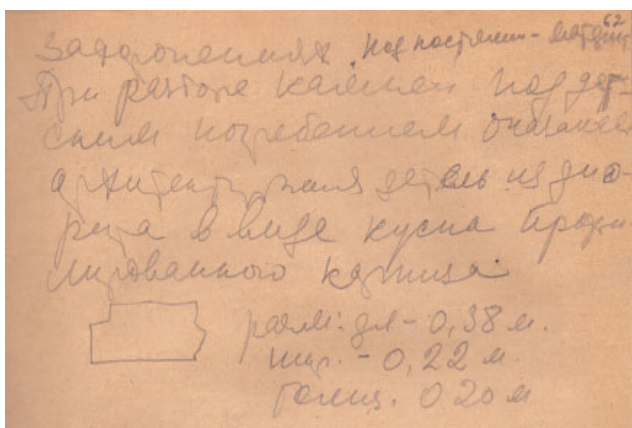


Рис. 2. Запись в полевом дневнике о находке архитектурной детали (по: Пятышева, 1951, л. 62).
Fig. 2. Field diary entry about the discovery of an architectural detail (according to Pyatysheva, 1951, sheet 62).

турный обломок с частью орнамента. – В.К.) в виде жгута. Известняк. Разм. 55×155 [мм]. На первоначальном выкиде на юге в обрыве 26.07.50» (Полевые материалы..., л. 36). В отличие от остальных декоративных деталей из раскопок храма, сейчас экспонируемых Алуштинским историко-краеведческим музеем, в книге поступлений последнего этот артефакт не значится и до недавнего времени считался утраченным (Кирилко, 2020, с. 77). Несколько месяцев назад его удалось выявить среди неучтённых предметов в лапидарном фонде учреждения, уверенно идентифицировав благодаря уцелевшей местами полевой маркировке и соответствующей величине фрагмента. Сохранившийся обломок изделия имеет вид двух прямолинейных полуovalов, развёрнутых по отношению друг к другу под углом 116 (рис. 3: 1–2). Их ширина составляет 4,7 и 5,2 см, а высота с внешней и внутренней сторон – 2,6 и 2,4 см соответственно. Лицевая поверхность выступов чисто тесанная, в поперечном сечении округлая с уплощённым снаружи боком. Судя по едва заметным

следам первоначальных форм, утраченных на сколотых участках, можно предположить, что находка представляет собой сильно повреждённый узел пересечения объёмной геометрической плетёнки из гладкого жгута, которая сопоставима с орнаментальным мотивом «сельджукская цепь». Реконструируемая ширина рельефа – 14,6 см.

Среди неучтённых предметов в лапидарном фонде были обнаружены ещё три известняковых обломка с резным декором (рис. 3: 3–4), после прекращения раскопок тоже оказавшихся вне внимания исследователей. Все они имеют одинаковую маркировку, а именно Ал 51–230/32, которая идентична той, что присвоена аналогично украшенному крупному фрагменту из раскопок Ю.В. Кухаренко, выставленному сейчас в средневековом зале музея и уже введённому в научный оборот (Кирилко, 2020, с. 78, рис. 4: 4, 10: 2). Более того, два из них чётко соединяются не только друг с другом, но и с упомянутым экспонатом, тем самым удлиняя его до 55 см (рис. 4). Третий фрагмент нигде с ними не стыкуется, хотя, вне всякого сомнения, принадлежал одному и тому же изделию. На это указывает характерный рисунок орнамента, точнее специфическая небрежность порезки, равно как выразительная форма боковой грани, образовавшаяся в результате пригонки архитектурной детали, видимо при вторичном использо-

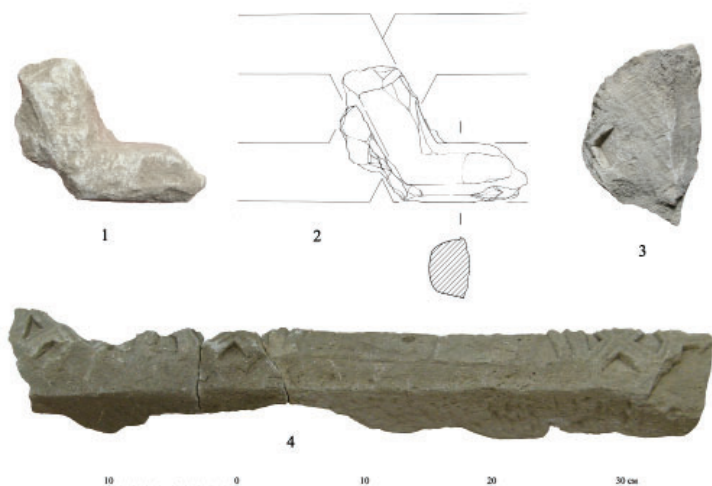


Рис. 3. Фрагменты каменных изделий. Фотографии и чертежи автора.

Fig. 3. Fragments of stone products. Photos and drawings by the author.

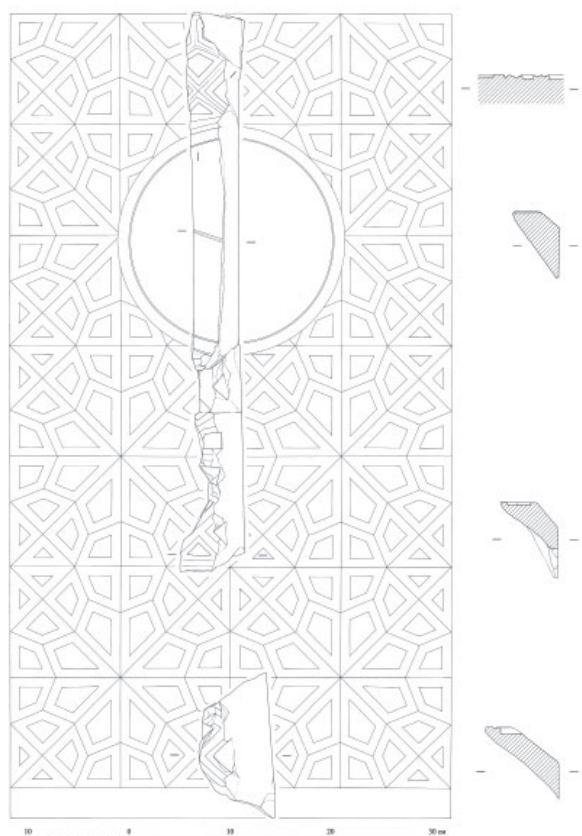


Рис. 4. Фрагменты каменного изделия с резным декором. Реконструкция орнамента. Чертёж автора.

Fig. 4. Fragments of a stone product with carved decoration. Reconstruction of the ornament.

Drawing by the author.

профилированы двумя продольными желобками глубиной 1,5–2 мм.

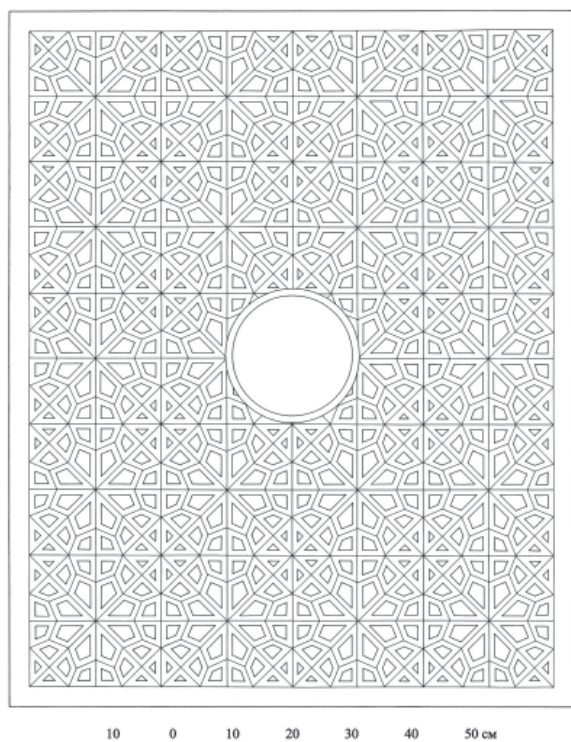
Объективности ради необходимо отметить, что предложенный вариант реконструкции узора не является единственно возможным, поскольку при раскопках Е.В. Веймарна в отвале был найден фрагмент такой же, но более аккуратно изготовленной плетёнки, которая идеально вписывается в равносторонний треугольник, предполагающий использование совершенно иной композиционной сетки – с однотипными ячейками правильной шестигранной формы (Кирилко, 2020, с. 77, рис. 4: 2, 10: 1), в свою очередь никак не совместимыми с остатками орнамента на остальных, упомянутых ранее, обломках. Нельзя исключать вероятности того, что имеются в виду хотя и похожие, но разные архитектурные детали, возможно бывшие парными.

Раппорт имеет форму квадрата, стороны которого равны 21,8 см (рис. 4). Середина всей композиции, украшавшей изделие, поддаётся чёткому определению. Центр обозначен круглым медальоном с рельефным обрамлением, который, в свою очередь, находится на пересечении основных осей узора. Благодаря этому протяженность уверенно реконструируемой части декора в продольном направлении достигает 80 см, в поперечном она составляет около 25–45 см. Фрагментарно сохранившаяся порезка везде была сплошной и, учитывая подтверждаемые утраты, первоначально покрывала относительно большую по площади поверхность. Величина плоскости, занятой орнаментом, в значительной мере зависела от количества повторений раппорта. На мой взгляд, наиболее приемлемой и самой оптимальной является комбинация $5 \times 4 = 109 \times 87,2$ см, которая позволяет получить относительно компактную, с удачными пропорциями декоративную композицию (рис. 5). Последняя, будучи обрамлена гладкими кромками шириной 3–6 см, по сути, определяла общие размеры грани – от 115×93 до 121×99 см.

Архитектурная деталь могла принадлежать алтарной преграде храма, в виде пара-

вании. Причём с большой долей вероятности можно утверждать, что сам обломок находился неподалёку от остальных, вновь выявленных, на их продолжении в расширяющейся части, а все они вместе ограничивали перетёсанный край сполли, имевшей толщину не менее 7,5 см.

Несмотря на значительные утраты лицевой поверхности декора, композиция орнамента, который был сетчатым с геометрическим узором, поддаётся относительно достоверной реконструкции. Скорее всего, она имела ячейки двух типов – крупные октагональные и небольшие квадратные. Первые соприкасались друг с другом боковыми, вертикально и горизонтально расположенными сторонами, чередуясь при этом в диагональном направлении со вторыми, находившимися между ними. В свою очередь, восьмигранники состояли из одинаковых, с трёхлучевыми перегородками, прямоугольных дельтоидов, смежные кромки которых, будучи ориентированы радиально, продолжались внутри квадратов, образуя на пересечении звёздчатую фигуру. Рельеф низкий, с равномерно заглублённым фоном. Его высота 0,4–0,7 см. Ленты орнамента



пета отделявшей наос от апсиды с восточной стороны. Каких-либо следов самого сооружения, в частности его фундаментов, раскопками не обнаружено. Вместе с тем особой необходимости в специальной субструкции не имелось, поскольку пол был каменным, «остатки которого в виде кусков разбитых тонких каменных плит сохранились в апсиде» (Пятышева, 1951, л. 87), что позволяло использовать настил в качестве основания. Вероятнее всего, перегородка находилась в нише подпружной арки и располагалась заподлицо с поверхностью угловых устоев, удалённых друг от друга примерно на 2,40–2,45 м¹. Плита была выставлена вертикально, предположительно в южной части сооружения. С противоположной стороны её дополняло подобное изделие одинаковой величины с первым, а возможно, даже немного, в пределах нескольких сантиметров, и более узкое.

Примечания:

¹ Авторы раскопок сообщают только отдельные величины храма. Внешние размеры наоса 5,30×5,16 м. Общая длина здания 6,47 м. Протяжённость внутреннего пространства церкви 4,45 м, его ширина 3,80 м. Толщина стен в среднем 0,65 м (Полевые материалы..., л. 11; Асеев, 1951, с. 25, рис. 2; Когонашвили, Махнева, 1971, с. 16–17). Остальные метрические характеристики строения поддаются определению исключительно благодаря обмерному чертежу плана, выполненного в 1950 г. С.К. Себекиным. К сожалению, при их первой публикации (Кирилко, 2020, с. 71), в научный оборот была введена ошибочная информация. Правильными являются следующие размеры. Сторона подкупольного квадрата составляла 2,40–2,60 м, уменьшается в сторону алтаря. Ширина апсиды 1,60 м, её глубина 1,30 м. За пределы основного объёма храма она выступает на 1,50 м. Радиус алтарного полукружия:

Рис. 5. Реконструкция лицевой грани плиты.
Чертёж автора.

Fig. 5. Reconstruction of the face of a slab.
Drawing by the author.

Проход между ними составлял около 55 см. Значительная толщина архитектурной детали, превышавшая 7,5 см, позволяла обойтись без столбиков. В случае необходимости эпистиль мог быть деревянным, в виде обычного тябла.

Реконструируемое декоративное убранство плиты и предполагаемая её принадлежность алтарной преграде являются необычными, по крайней мере аналогов им нет². Вместе с тем, что касается использования для резного украшения изделия сплошного геометрического узора, более известного как гирих, подобные примеры на близких по времени крымских памятниках имеются. Они представлены целым рядом ярких произведений каменной пластики. Среди них особо выделяются фронтоны от кивориев XIV в. из армянских церквей св. Иоанна Богослова и св. Иоанна Предтечи в Каффе, а также закладная плита с латинской надписью 1392 г. на башне Джудиче в Судакской крепости, которая, в свою очередь, отчасти сопоставима композиционно, а именно сочетанием эмблемы (здесь – герба, в алуштинском случае – медальона) и сетчатого орнамента в виде непрерывной плетёнки (Айбабина, 2001, с. 111, рис. 4; 35: 2, 3; 70, табл. XXXV). Если же учесть, что найденные при раскопках кладбищенского храма фрагменты других архитектурных деталей с рельефным декором отчётливо тяготеют к сельджукской художественной традиции (Кирилко, 2020, с. 73–76, рис. 4, 7–9), то реконструкция плиты и определение её назначения не кажутся столь невероятными. Более того, судя по погребальному инвентарю (Кирилко, 2018, с. 181–185, 187), покойнику, над могилой которого воздвигнута эта церковь, ордынский образ жизни и свойственные ему культурные ценности были не чужды.

внешний – 1,60–1,70 м, внутренний – 0,85 м. Ширина: плеч северного и южного – соответственно 0,85 и 1,20 м, заплечиков – 0,25 и 0,45 м, подпружных арок перекрытия – 0,60–0,70 м.

² Безусловно, нельзя исключать также вероятности того, что это изделие могло иметь совершенно иное назначение и было, например, надгробием. В частности, в определённой степени с ним сопоставима резная плита из раскопок Большой базилики Мангупа, всю переднюю грань которой украшала сплошная геометрическая плетёнка в «армяно-мусульманском стиле», правда, с более изысканной композицией и узором витиеватее (Бертье-Делагард, 2018, с. 26–27, рис. 7; Айбабина, 2001, рис. 75). Причём мангупская находка не только уникальна сама по себе, но считается единичным памятником «столичного» круга, который по типу орнамента и качеству работы близок к малоазийским образцам (Степаненко, 2010, с. 122, прим. 5, рис. 10; Айбабина, 2016, с. 523, рис. 424).

ЛИТЕРАТУРА

Айбабина Е.А. Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVIII вв. Симферополь: СОНАТ, 2001. 280 с.

Айбабина Е.А. Мусульманская каменная резьба Крыма // Мирас – Наследие. Том. 1. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах: в 3 т. / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдилов. Казань: Астер Плюс. С. 510–543.

Асеев Ю.С. Архітектурно-археологічні дослідження в Криму // Вісник Академії архітектури УРСР. 1951. № 3(21). С. 23–30.

Бертье-Делагард А.Л. Каламита и Феодоро // ИТУАК. 1918. № 55. С. 1–44.

Кирилко В.П. «Алустонский клад»: история находки // Поволжская археология. 2018а. № 2 (24). С. 168–189.

Кирилко В.П. Новое и позабытое старое о храме Алуштинского могильника // Археология Евразийских степей. 2018б. № 4. С. 244–249.

Кирилко В.П. Архитектурно-конструктивные и декоративные детали из раскопок храма на Алуштинском могильнике // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: ΙΜΠΕΡΙΑ ΚΑΙ ΠΟΛΙΣ. XI Международный Византийский Семинар (Севастополь – Балаклава 3–7 июня 2019 г.). Материалы научной конференции / Отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: Колорит, 2019. С. 131–136.

Кирилко В.П. Храм Алуштинского могильника // Владимирский сборник II. Материалы международной научной конференции «III Свято-Владимирские чтения» / Отв. ред. В.В. Майко, Т.Ю. Яшаева. Севастополь: Телескоп, 2020. С. 70–87.

Кирилко В.П. Вехи научного пути Е.В. Веймарна: Раскопки Алуштинского могильника // Бахчисарай: новые исследования по истории и археологии Крыма. Материалы конференции «VI, VII научные чтения памяти Е.В. Веймарна» (г. Бахчисарай, 6 сентября 2019 г., 9 сентября 2021 г.); Материалы конференции «IX Бахчисарайские научные чтения памяти У. Боданинского» (г. Бахчисарай, 8 октября 2021 г.) / Ред.-сост. Р.Д. Алиев, Л.З. Чубукчиева. Симферополь: ИП Корниенко А.А., 2023. С. 83–94.

Кирилко В.П. Строительная история храма на Алуштинском могильнике // Под омофором Андрея Первозванного: от апостола Андрея к Андреевскому флагу. Материалы всероссийской научной конференции, приуроченной к 350-летию учреждения в России Андреевского флага / Ред.-сост. В.В. Майко, Т.Ю. Яшаева. Симферополь: АРИАЛ, 2024. С. 42–47.

Когонашвили К., Махнева О. Алустон и Фуна. Симферополь: Крым, 1971. 94 с.

Мусин А.Е. Металлические кресты // Древности Семидворья I. Средневековый двухапсидный храм в урочище Еди-Евлер (Алушта, Крым): исследования и материалы / Археологический альманах. № 32 / Отв. ред. И.Б. Тесленко, А.Е. Мусин. Киев: Антиквар, 2015. С. 63–116.

Полевые материалы II Алуштинского отряда Тавро-скифской экспедиции 1950 г. / НА ИАК РАН. 1957. Ф. Л.–10. Оп. 1. Д. 85. 230 л.

Пятышева Н.В. Отчет о раскопках в Алуште в 1950 г. / НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2541. 111 л.

Степаненко В.П. Малая Азия и Крым в XIV веке // Откровения древнего Солхата / Ред. А.Г. Герцен. Керчь: Боспор, 2010. С. 119–124.

Информация об авторе:

Кирилко Владимир Петрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт археологии Крыма РАН» (г. Симферополь, Россия); vladimirkirilko.33@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-5431-9127>

REFERENCES

- Aibabina, E. A. 2001. *Dekorativnaia kamennaia rez'ba Kaffy (XIV—XVIII vv.) (Ornamental Stone Carving of Kaffa in the 14th—18th Centuries)*. Simferopol: "Sonat" Publ. (in Russian).
- Aibabina, E. A. 2016. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A.G. (eds.). *MIRAS—NASLEDIE. Tatarstan – Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoj kul'tury v Tatarstane i v Krymu v 1923–1929 godah: v 3-kh tomah (MIRAS—NASLEDIE. Tatarstan and Crimea. The City of Bolgar and the study of Tatar culture in Tatarstan and the Crimea in 1923–1929: in 3 volumes)* 1. Kazan: "Aster Plyus" Publ., 510–543 (in Russian).
- Aseev, Yu. S. 1951. In *Visnik Akademii arkhitekturi URSR (Bulletin of the Academy of Architecture of the Ukrainian SSR)* 21 (3), 23–30 (in Ukrainian).
- Bert'e-Delagard, A.L. 1918. In *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Taurida Learned Archival Commission)* 55, 1–44 (in Russian).
- Kirilko, V. P. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 24 (2), 168–189 (in Russian).
- Kirilko, V. P. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 244–249 (in Russian).
- Kirilko, V. P. 2019. In Alekseenko, N. A. (ed.). *ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: IMPERIYA I POLIS. XI Mezhdunarodnyy Vizantiyskiy Seminar («ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Empire and Polis: XI International Byzantine Seminar)*. Simferopol: "Kolorit" Publ., 131–136 (in Russian).
- Kirilko, V. P. 2020. In Maiko, V.V., Iashaeva, T.Iu. (eds.). *Vladimirskiy sbornik II. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «III Svyato-Vladimirskie chteniya» (Vladimir's Collection II. Proceedings of the 3rd St. Vladimir's Readings International Scientific Conference)*. Sevastopol, "Teleskop" Publ., 70–87 (in Russian).
- Kirilko, V. P. 2023. In Aliev, R. D., Chubukchieva, L. Z. (eds.). *Bakhchisarai: novye issledovaniia po istorii i arkheologii Kryma (Bakhchisaray: New Studies on the History and Archaeology of Crimea)*. Simferopol: "Kornienko A.A." Publ., 83–94 (in Russian).
- Kirilko, V. P. 2024. In Maiko, V. V., Yashaeva, T. Yu. (eds.). *Pod omoform Andrey a Pervozvannogo: ot apostola Andrey a k Andreevskomu flagu (Under St. Andrew's Omophorion: from Apostle Andrew to St. Andrew's Flag)*. Simferopol: "ARIAL" Publ., 42–47 (in Russian).
- Kogonashvili, K. K., Makhneva, O. A. 1971. *Aluston i Funa (Aluston and Funa)*. Simferopol: "Krym" Publ. (in Russian).
- Musin, A. E. 2015. In Teslenko I. B., Musin A.E. (eds.) *Drevnosti Semidvor'ya I. Srednevekovyy dvukhapsidnyy khram v urochishche Edi-Evler (Alushta, Krym): issledovaniya i materialy / Arkheologicheskii al'manakh. № 32 (Medieval bi-apsidal church in the Yedi-Evler Survey Mark (Alushta, Crimea): research and materials. Archaeological Almanac. No. 32)*. Kiev: "Antikvar" Publ., 63–116 (in Russian).
1957. *Polevye materialy II Alushtinskogo otryada Tavro-skifskoy ekspeditsii 1950 g. (Field materials of the 2nd Alushta detachment of the Tauro-Scythian expedition of 1950)*. Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences. F. L.–10, Inv. 1, dossier 85 (in Russian).
- Pyatysheva, N. V. 1951. *Otchet o raskopkakh v Alushte v 1950 g. (Report of excavations in Alushta in 1950)*. Scientific Archival Sector of the Tauric Chersonesos State Museum-Reserve. F. 1, dossier 2541 (in Russian).
- Stepanenko, V. P. 2010. In Gertsen, A. G. (ed.). *Otkrovenie drevnego Solkhata (Revelations of the Ancient Solkhat)*. Kerch: "Bospor" Publ., 119–124 (in Russian).

About the Author:

Kirilko Vladimir P., Candidate of Historical Sciences. Senior Researcher, Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences. Simferopol, Russian Federation. vladimirkirilko.33@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-5431-9127>



Статья поступила в журнал 12.02.2025 г.
Статья принята к публикации 02.04.2025 г.